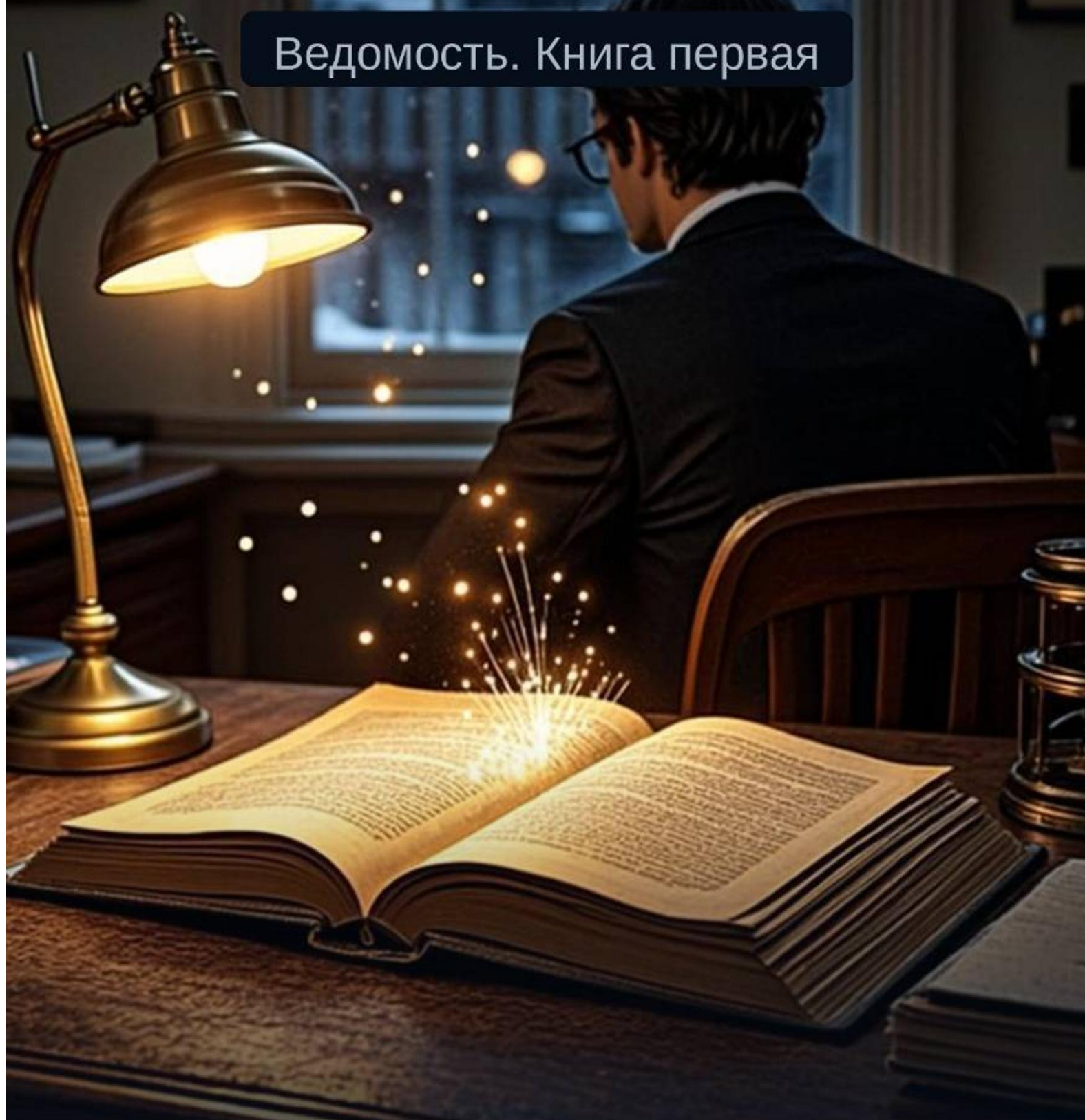

ГОРОДСКАЯ МИСТИКА

НОЧНОЙ АУДИТОР

Ведомость. Книга первая

Nik Agent

Ночной аудитор. Ведомость

«Автор»

2026

Agent N.

Ночной аудитор. Ведомость / N. Agent — «Автор», 2026

Ночная смена в городском морге — самая честная работа в Староволжске. Здесь не врут: ты, бумага и человек, которому уже всё равно. Пока ночной бухгалтер Матвей Снегирёв не открыл для себя Ведомость — и не понял, что у каждого умершего над плечом висит страница незакрытых дел. Не вернул ключ дочери. Не попросил прощения у брата. Не довёл последний рейс. Учёт не сходится — и мёртвые не могут уйти. Исполнить чужой долг — и человек уйдёт тихо. Выкупить его дёшево — и страдать будет живой. Пока Матвей учится правилам ночного аудита, в город приходит господин Яр с портфелем и учётной политикой, при которой живые — статья расходов. У него восемьдесят три сотрудника без единой строки в Ведомости, стальные страницы в залоге и очень убедительный оффер для нового аудитора. Тихая городская мистика о долге, памяти и людях, которые продолжают работать, когда вокруг гаснет свет. Для тех, кому по ночам кажется, что за бумагами кто-то дежурит: кажется, потому что дежурит.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Три тела и одна страница	8
Глава 2. Правило сверки	11
Глава 3. Сторож	13
Глава 4. Человек с сорока строками	15
Глава 5. Господин Яр	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Nik Agent

Ночной аудитор. Ведомость

Ночной аудитор. Ведомость

Автор: nikagent

© nikagent, 2026

Все права защищены. Копирование, воспроизведение и распространение текста или его частей без письменного разрешения автора запрещены.

Все персонажи и события в этой книге вымышлены. Город Староволжск не существует, совпадения с реальными людьми, организациями и населёнными пунктами случайны.

Книга относится к городской мистике и содержит атмосферные сцены, связанные с темой смерти в символической подаче. Возрастная категория: 16+

Пролог

В морге ночная смена — самая честная работа в городе. Днём везде врут: в отчётах, в очередях, в новостях. Ночью в морге врать не перед кем. Ты, бумага и человек, которому уже всё равно, как его назовут в акте — «гражданин» или «труп неопознанный».

Матвей Снегирёв любил такие ночи. Тридцать шесть лет, ведущий бухгалтер МБУ «Ритуальный сервис», по совместительству — дежурный по регистрации смертности в городском морге на Красносливской, одиннадцать. Днём он сводил смету похоронного управления, ночью принимал тела и выписывал справки. Ничего героического. Тихий тыл большого города: люди умирают днём, а оформляют их по ночам.

Часы на стене показали без пятнадцати полночь, когда за стеклом регистратуры объявилась соседка из дома напротив — Аграфена Кирилловна. Матвей поднял голову от реестра и не удивился. Бывает, память к пожилым путает время: придут среди ночи за справкой, постоят, вспомнят, что «утром зайду», и уйдут.

Но Аграфена Кирилловна не уходила. Она стояла у стекла, в том самом пальто с бронзовыми пуговицами, в котором Матвей видел её ещё при жизни — у подъезда, за день до того, как её не стало, и смотрела сквозь стекло — не на Матвея, а чуть правее, на пустой стул для посетителей.

— Аграфена Кирилловна, время-то ночное, — сказал Матвей в стекло. — Утром зайдёте, с понедельника справки.

Она не ответила. И тогда Матвей увидел то, чему последние три недели учился не верить: строки — резко, целиком и без права на ошибку, как видят улицу, когда выключают фонари.

Над правым плечом старушки в воздухе висела полупрозрачная страница, по величине — с полтетради, только написано было не чернилами, а чем-то тёплым, янтарным. Одна строка. Всего одна — Матвей знал, что так бывает нечасто, обычно их десятки.

Аграфена Кирилловна Прохорова. Не возвращён ключ от квартиры № 27, дом 8 по Красносливской. Ожидает: дочь. Прислать ключ. Ожидает 4 дня.

Под строкой — две графы, как в ведомости. «Дебет: ключ в кармане пальто, дома, ящик у входной двери». «Кредит: пусто».

Матвей смотрел на страницу, и внутри у него, аккуратного человека, знающего свои таблицы до последней ячейки, происходило то, что бухгалтеры чувствуют, когда дебет не сходится с кредитом. Он открыл форточку-окошко в стекле.

— Вы к нам? — спросил он тихо.

Аграфена Кирилловна впервые посмотрела ему в глаза и сказала:

— Верни, сынок. А то я уйти не могу. Учёт не сходится.

— У кого не сходится? — спросил Матвей, хотя ответ он уже держал в руках.

— Здесь. — Она положила на подоконник окошка ладонь, и там, где ладонь лежала, проступила та самая страница, только теперь она была не в воздухе, а под пальцами, как лежащий на столе лист. — Ведомость. Моя строка. Верни ключ дочери, она его всю жизнь ищет. Отвернись — а он всё в том же ящике.

Ключ лежал в ящике у входной двери в квартире № 27 — Матвей знал это так же точно, как знал своё табельный номер. Знал оттого, что строка говорила, а Ведомость, как он понял позже, не умеет врать: она слишком старая для этого.

— Дочь моя Светлана, — продолжала Аграфена Кирилловна, и голос её становился тише с каждым словом, как лента на кассе, до которой дотягивают последние полметра. — Тридцать лет как уехала. Приезжала в мае, я ключ ей не дала — обиделась, что дом продать хочу. А продавать уже некому, не в чем. Верни ей, скажи: от матери. Что больше всё. Скажешь?

— Скажу, — ответил Матвей.

И тут случилось то, ради чего стоит читать бухгалтерские книги: строка моргнула, как лампочка перед включением, и по странице, снизу вверх, прошла горизонтальная черта — не резкая, а как накатывают волной на песок. Черта добралась до верха, страница погасла. Там, где она висела, осталось только пальто с бронзовыми пуговицами и женщина, ставшая окончательно невидимой — не мутной, как стекло в тумане, а цельной, как выход из кадра.

Матвей сидел очень тихо. Потом посмотрел на часы. Полночь ноль-ноль. Потом на реестр — строка «Прохорова А. К., 1939 г. р.» была записана у него от руки ещё утром, со слов участкового, со стандартной пометкой «обнаружена по месту жительства».

Он закрыл реестр и сказал в пустоту регистратуры, сам не зная, кому:

— Принято к учёту.

Из глубины коридора, где под лампочкой днём сидит сторож, раздался кашель, скрип табурета и голос — спокойный, скрипучий, как дверца того самого ящика:

— Присядь, Снегирёв. Поговорить надо. Смену принимать будешь или как?

Матвей оглянулся. В дверном проёме, опираясь на швабру, стоял Пётр Игнатьевич — сторож, который днём всегда дремлет, а ночью, как выяснилось, дремлет не он.

— Какую смену? — спросил Матвей.

— Ночную, — сказал Пётр Игнатьевич и показал на воздух справа от Матвея, там, где гасла последняя янтарная точка. — Учёт без аудитора не ведётся. А ты, я гляжу, уже вёл. Проводка чистая, первичка на месте. Значит, с рождения твой случай, просто не открывался. Теперь открылся.

Матвей хотел спросить, что именно открылось. Но не успел: в регистратуре зазвонил телефон — город проснулся к чьей-то беде, и бумажная работа не ждала.

«Так начинается аудит, — думал Матвей потом, снимая трубку. — Никакого грома. Просто однажды ночью дебет перестаёт сходиться с кредитом — и ты единственный в городе, у кого есть карандаш».

* * *

Глава 1. Три тела и одна страница

Тремя неделями раньше ничего не предвещало. Матвей даже запомнил вечер — настолько обычный, что позже он по нему будет сверять, где кончается старая жизнь. Вторник. За окном ноябрь, первый настоящий, с ледяным скрипом снега под шинами. В градуснике за моргом минус восемь, в холле плюс четырнадцать, на рабочем столе — ровно девятнадцать, потому что Матвей сел в очки и без свитера только при девятнадцати.

Он раскладывал по папкам день: три принятых тела, три справки, один отказ от вскрытия по заявлению родственников, одно межгородское направление. Работа как работа. МБУ «Ритуальный сервис» — учреждение с бюджетом, сметой и бессмертной фразой в уставе «обеспечение достойного проведения похоронных церемоний», которую Матвей любил за тихую издёвку: достойного — то есть в конечном итоге разумно оплаченного.

Второе тело вечера доставили в двадцать один сорок. Мужчина, пятьдесят два года, из дома на Заречной; участкового вызвали соседи — не открывал два дня. В акте Матвей записал: «обнаружен по месту жительства, признаков постороннего вмешательства не имеется». Он писал это слово «не имеется» четыреста раз за пять лет и редко задумывался, сколько жизни в нём упрятано, как в форму КС-2.

А потом санитар Толик, молодой, вечно с ботинками не того цвета, занёс в регистратуру накладную, положил на подоконник, посмотрел, куда Матвей не смотрит, и сказал:

— Матвей Андреич, а у вас листок летает.

— Какой листок?

— Ну, у окна. Белый такой, светится. Разве нет?

Матвей посмотрел. Листка не было. Толик пожал плечами — «показалось, я спал полдня» — и ушёл досыпать на стул в холле.

Если бы Матвей смотрел внимательно, он бы заметил, что листок, которого не видел Толик, висел не у окна, а над вторым телом вечера. Но он смотрел в накладную. Времени не оставалось: город за моргом продолжал тихо, по своим техническим регламентам, расставаться с людьми.

В двадцать три пятьдесят прибыло третье тело. Пожилая женщина из дома напротив — та самая, из пальто с бронзовыми пуговицами. Обнаружена в собственной квартире, по улице прошёл слух раньше бумаг, и санитары несли её бережно, как несут то, что помнит тепло.

Матвей оформлял приём: дата, время, основание, подпись. В графу «личные вещи» вписал: «пальто драповое, пуговицы бронза — 6 шт., ключ в кармане — 1 шт.». Ключ он сдал в ящик описи, не глядя. Ключ — стандартная позиция, ключей за ночь бывает до десятка, ключи — это обычная бухгалтерия смерти.

Он не знал, что этот ключ станет первой строкой в его ведомости.

* * *

Ровесники Матвея уходят из бюджетов в коммерцию, в фриланс, в «свой малый бизнес с партнёрами». Матвей остался. Причины он называл разные, в зависимости от собеседника и количества выпитого чая: тишина, порядок, ранние встают — никто не звонит. Правду он не называл никому, потому что правду нельзя назвать, не произнеся одной фразы: «я не дозволился отцу».

Шесть лет назад, в феврале, у отца на окраине Гельмарска — маленького города в четырёхстах километрах — сел аккумулятор в телефоне. Просто сел, как сел бы у любого. Отец три дня планировал звонок: у него была привычка звонить по чётным числам, ровно в семь вечера, по три минуты, разговаривать о погоде и табеле. В тот вечер Матвей был на сверке в области, телефон лежал в другой комнате, заряжался от чужой зарядки, которая оживала через раз.

Отец позвонил. Не дозвонился. У него была слабая сердечная мышца и сильная привычка не беспокоить. Оставил бы сообщение, но он не любил оставлять сообщения — «зачем глушить чужой вечер своим?» Перенёс звонок на утро. Утро пришло к нему без звонков.

Матвей узнал через сутки из письма от соседа отца, на бумаге, шариковой ручкой, с орфографической ошибкой в фамилии. До сих пор он хранит это письмо в папке «Личное», потому что не смог решить, в какую другую папку оно может попасть.

С тех пор он работал там, где телефоны не нужны. Здесь не звонят — здесь приходят с бумагами. И бумага, в отличие от человека, всегда успевает.

* * *

После третьего тела Матвей поднялся в регистратуру, заварил чай в кружке с надписью «Лучший в учёте» — премия от коллектива три года назад, — и открыл реестр. Ночь обещала быть бумажной: четыре исхода за смену, один межгород, квитанция на хранение вещей.

Он и не заметил, когда стал видеть.

Это не гром и не вспышка. Строка появляется в поле зрения так, как появляется в тексте опечатка, которую ты уже прочитал, но ещё не осознал: сначала ты видишь её периферией, потом нельзя отвести глаз. Над столом, где лежали описи, висела страница. Матвей снял очки, протёр их краем галстука, надел — страница не исчезла.

Тогда он сделал то, что делает бухгалтер, увидевший в балансе лишний лист: встал, обошёл стол, посмотрел с другой стороны. Страница висела не над столом. Она висела над вторым телом вечера — над мужчиной из дома на Заречной, который лежал в дальнем зале, и Матвей видел её сквозь две стены и один холл, потому что, как выяснилось, стены для Ведомости не аргумент.

Строк было четыре.

Не отдал долг товарищу по гаражу — три тысячи. Ожидает 11 лет. / Не сказал жене, куда делись деньги на зимние шины. Ожидает 3 года. / Не забрал своё интервью у директора школы № 2 — обещал доработать отчёт по отоплению. Ожидает 4 месяца. / Не поставил маме заново рамку на фотографию, обещал в мае. Ожидает 6 лет.

Матвей дочитал четвёртую строку и понял, что стоит. Чай стыл, часы шли, город за окном готовился к трём часам ночи — самому бумажному часу, — а он стоял и читал чужую незакрытую отчётность.

Первой мыслью было — переутомился. Второй — какой-то новый оптоволоконный проектор, рекламная технология, фонарь бьёт. Третья мысль, бухгалтерская и потому самая честная, пришла сама: «Так это же — дебиторка. Только не по деньгам».

Он никогда не забудет, как в ту ночь впервые закрыл глаза и не увидел темноту. В темноте остались строки: маленькие, тёплые, терпеливые. Они не мигали и не требовали. Они ждали — как ждали одиннадцать лет, три года, шесть.

В глубине коридора скрипнул табурет. Пётр Игнатьевич — сторож, который днём дремлет, — прошёл мимо регистратуры, не оборачиваясь, и бросил через плечо голос, скрипучий и совершенно не удивлённый:

— Чай не остывай, Снегирёв. Первые страницы самые длинные. Дальше пойдёт быстрее.

— Что пойдёт? — спросил Матвей в темноту.

— Учёт, — ответил сторож уже из глубины коридора. — Он у нас тут один. На всех.

Матвей посмотрел на кружку. «Лучший в учёте». Он не знал, смеяться ему или снять на телефон, но телефон, как назло, лежал в кармане, и зачем он нужен был в этот момент, Матвей не понял.

Город за моргом начинал выдыхать. На Красносливской погасил фонарь одиннадцатый — тот, что против подъезда Аграфены Кирилловны. Где-то далеко, в четырёхстах километрах, в Гельмарске, спал город, которому Матвей задолжал один звонок. А в дальнем зале, над вторым телом вечера, терпеливо висела страница с четырьмя строками и не сходилась сальдо.

Он допил чай. Закрыв реестр. И впервые за пять лет остался на смене после смены — не по графику, а потому что понял: если сегодня не закроется хотя бы одна строка, он не уснёт до пенсии.

Так начался ночной аудит. Никакого назначения приказом — просто однажды в штат явился сотрудник, который видел страницы.

Глава 2. Правило сверки

На следующую смену Матвей сделал то, что делает любой нормальный бухгалтер при виде необъяснимого: выписал строку на бумагу и попытался отнести её наверх. Наверху сидела главбух МБУ Ольга Викторовна, женщина, которая сумеет найти несоответствие в балансе самого Чёрного моря, если дать ей выписку по расходам.

— Оля Викторовна, а у нас есть что-нибудь по учёту... незавершённых обязательств? — спросил он максимально нейтрально.

— Неисполненные обязательства — это неустойка, пени или суд, — ответила Ольга Викторовна, не поднимая головы. — Кто не исполнил?

— Живые, — почти сказал Матвей. Потом: — Никто. Просто уточняю.

— Уточняй молча, — сказала главбух. — И у тебя ошибка в графике смен, вторник с четвергом поменял.

Матвей поменял обратно и понял: наверху по этому вопросу не будет. Вопрос будет только внизу — там, где под лампочкой дремлет сторож.

* * *

Первую строку он закрыл сам, без учителей, и сделал всё неправильно — так, что потом, спустя годы, будет рассказывать об этом на обучении новых аудиторов как о главном уроке из категории «как не надо».

Строка была первая из четырёх, гаражная: «Не отдал долг товарищу по гаражу — три тысячи. Ожидает 11 лет». Умерший значился в реестре как Куприянов Степан Маркович. Три тысячи одиннадцать лет — за это время сумма потеряла всякий вес, но строки, как Матвей уже начал догадываться, меряют не рублями. Они меряют ожиданием.

Он нашёл гаражи по адресу из строки — у Пальцевого ручья, ряд шестой, бокс сорок один. Открыл, потому что ключ от гаражей хранится в морге — не спрашивайте, почему; в этом городе ключ от гаражей всегда хранится в морге, и одна из причин станет ясна к финалу этой книги. Внутри пахло соляжкой и пилой. На стене висел календарь за прошлый год с рыбаками, на верстаке — недокрученная фена.

Товарища по гаражу звали Гарик. Матвей узнал это через два дня, отвозя в реестр справку: Гарик раз в неделю, по средам, приходил к гаражам и долго стоял у шестого ряда, как стоят люди у домов, которых больше нет. Матвей подошёл, представился начальником похоронного учёта — это удобное звание, никто не знает, что оно означает, — и спросил про Степана Марковича.

— Стёпа умер, — сказал Гарик так, как говорят о смерти близкого в четвёртый раз: с силой, но без надежды на новизну. — В октябре. Одиннадцать лет подряд мы по вторникам сидели тут, я ему чай наливал. А три тысячи забыл вернуть. Мелочь, а теперь вернуть не кому.

— Верните, — сказал Матвей.

— Кому? — Гарик посмотрел на него, как на человека, который предлагает поплакать в очередь в Сбербанке.

— Так верните. В кладбищенский фонд, детям его, ящик у входа — это неважно. Верните, и счёт закроется. Я оформлю.

И Гарик — человек, который одиннадцать лет не мог забыть три тысячи, — достал кошелёк. Матвей написал расписку от имени Куприянова Степана Марковича, дату поставил сегодняшнюю, в графе «основание» — «возврат долга», и отнёс расписку в гараж, к календарю с рыбаками. Вечером в морге строка из четырёх стала тремя: гаражная погасла. Он увидел это так ясно, что оглянулся — будто кто-то вычеркнул строчку в его собственной реестре.

Радость длилась до следующей смены. На четвёртой строке — «Не сказал жене, куда делись деньги на зимние шины» — он повторил логику: нашёл вдову, сказал правду за покой-

ного — деньги он тогда проиграл в боулинг, простите, дорогая, — и вдова закрылась на месяц в квартире, а строка продолжала висеть. Оказалось, правда, сказанная в лоб, — это не проводка. Это увольнение по статье: с формулировкой верной и последствием необратимым.

Матвей сидел в регистратуре, смотрел на невыдающуюся строку и понимал, что не хватает чего-то главного. Как в балансе: все цифры есть, а итог не бьётся. И тогда в глубине коридора снова скрипнул табурет.

* * *

Глава 3. Сторож

Пётр Игнатьевич варил кофе на электроплитке в подсобке — варил так, как варят только в моргах и на вокзалах: крепко, долго и без единой иллюзии по поводу качества. Чашку он поставил перед Матвеем не спрашивая.

— Значит, так, — сказал он. — Правило первое: никаких самостоятельных проводок. Ты не банк. Ты — аудитор. Сначала сверка, потом проводка. Сверка — это когда ты понимаешь, ЧТО закрываешь и КОГО этим трогаешь. Долг Шин вернул? Хорошо. Шин — это был обязательство: отдал — закрылось. А строки-правды — это другое. Правду не возвращают. Правду выбирают, как лечат: или вообще не трогают. Твоя вдова не просила правду. Ты её вместо неё решил, что ей полезно. Это не аудит. Это самоуправство.

— А как правильно? — спросил Матвей.

— Правильно — открой страницу. Слушай, чего строка ждёт. Не то, что написано, а то, что за написанным. «Не сказал жене» — это может ждать, что скажет. А может ждать, что жена сама найдёт и простит. А может — что он ей перед смертью всё-таки намекнул, а она не услышала, и её ожидание закрылось само, а его нет. Сверка — это слушать. Проводка — это исполнить ровно то, что услышал. Ничего своего. Ни одной собственной строки добавить не смей.

— Кто вы? — спросил Матвей. — Кто — мы?

Пётр Игнатьевич отхлебнул кофе. У него были руки человека, который всю жизнь держит что-то тяжёлое: то ли ведро, то ли книгу.

— Мы — аудиторы, — сказал он. — Их немного, и все они пахнут бумагой и ночью. Ты теперь один из них, поздравляю, рабочий день у тебя теперь вообще не заканчивается. Смерть — это когда человеку больше нечего сдавать, а отчётность его ещё ходит по городу и мешает живым. Мы эту отчётность закрываем. Аккуратно. По правилам. Без взяток.

— А те, кто не по правилам?

Старик поставил чашку. В подсобке стало на градус холоднее, и Матвей понял, что вопрос попал в цель — так, как попадают в цель только те вопросы, которые задавать боятся.

— Есть инкассаторы, — сказал Пётр Игнатьевич. — Они тоже отчётность видят. Только мы её закрываем, а они её покупают. Дёшево. Долг человека за три копейки, а платит он чем-то, что дороже трёх копеек. Живому — память. Характер. Голос. Всё, что в строке было обещано и не сделано, инкассатор отберёт и у того, кто умер, и у того, кто жив и ждал. Быстро, дёшево, с документами.

— Документами? — не понял Матвей.

— У них всё по форме, — горько усмехнулся Пётр Игнатьевич. — Расписки, акты, печати. Иначе б ты их и не боялся. Ужас, у которого нет квитанции, люди не уважают. А с квитанцией — пожалуйста. Понесут деньги сами.

Он вытер стол тряпкой, которой уже, судя по всему, никогда не будет чисто, и продолжил:

— Правило второе: не закрывать строку силой или обманом. Недействительная проводка бьёт по живым. Ты уже пробовал — видел.

— Видел, — тихо сказал Матвей.

— Правило третье: аудитор не берёт плату. Ни деньгами, ни услугами, ни даже чашкой кофе — с родных и близких умершего. Аудитор, который начал брать, через год становится инкассатором, у которого хорошая репутация. Самая опасная штука в нашем деле — репутация.

— А четвёртое?

— Четвёртое правило, — сказал Пётр Игнатьевич и впервые за вечер посмотрел Матвею прямо в глаза, — ты узнаешь, когда у тебя появится своя строка. Оно о ней.

— У меня нет строки, — сказал Матвей.

— Нет, — согласился старик. — Пока нет. Ночью виднее, как говорится. Иди, смена.

* * *

Матвей выходил из подсобки и думал, что между «работать бухгалтером в морге» и «работать аудитором в морге» — одна и та же дверь, а разница — в том, что по эту сторону двери бумагам можно врать, а по ту — нет. Ведомость, кажется, была единственным документом в городе, который не умел врать. И поэтому единственным, которому страшно не верить.

За стеклом регистратуры спал город. По Красносливской шёл снег — прямо, честно, как идут стрелки часов, если их никто не переводит. В дальнем зале над третьей и четвёртой строкой терпеливо мерцал янтарь.

Сверка, думал Матвей. Слушать. Ничего своего. Он взял лист бумаги и написал сверху: «ВЕДОМОСТЬ НОЧНОГО АУДИТА. Тетрадь первая». Под ним — «Открыто: ноябрь». И стал ждать, что город понесёт ему на закрытие.

Город не заставил. Он всегда носит. Тысячи строк в ночь, одна строка на двор. Вопрос только в том, кто дежурит.

Глава 4. Человек с сорока строками

Через неделю в морг привезли Левитина Семёна Абрамовича, семьдесят девять лет, режиссёра — на покое уже двадцать лет, но в городе его всё равно так и называли: Семён Абрамович, без должности, как называют географию или реку.

Матвей увидел страницы ещё от входной. Их было много. Не одна тетрадь, как у большинства, — стопка. Сорок две строки, и каждая горела так ровно, что больно было смотреть: у строк бывают яркости, как у лампочек, и сорок две ровных лампы — это уже не освещение, это пожар.

— Ничего себе человек работал, — сказал Толик из холла, и Матвей впервые понял, что санитар что-то различает. Не читает — различает: смотрит в сторону смерти чуть дольше обычного и отходит, как отходит от сильного запаха. Видеть на три процента — это болезнь зрения. Видеть целиком — это уже профессия.

Матвей взял вахтенный журнал, карандаш и отправился на сверку. Сверка длилась четыре ночи. Он ходил по городу со списком имён из строк Левитина — потому что большая часть сорока двух была не о деньгах и не о правде. Это были строки-люди.

Не поставил спектакль по пьесе Р. Гвоздика. Ожидает 21 год. / Не попросил прощения у гримёриши Валентины. Ожидает 17 лет. / Не отдал дневник 1974 года. Ожидает 40 лет. / Не сказал городу спасибо за театр. Ожидает 20 лет. / Не вернулся за шинелью в театральном гримёрном шкафу. Ожидает 20 лет. / Не...

Двадцать один год. Сорок лет. Строки не стареют, как долги; они стареют, как фотографии: чем дольше ждут, тем меньше остаётся на них людей, которые помнят, почему так важно. И всё-таки они висели над стариком, пока он умирал, и умирал он, судя по карточке из поликлиники, от обычной старости, только старость была у него многодетная: сорок два ребёнка, все не свои.

Гвоздика Романа Матвей нашёл в третьем районе. Пьесу «Мосты» Семён Абрамович не поставил двадцать один год назад — после того, как театр сторел вместе с декорациями, а Гвоздик уехал писать для телевидения. Пьеса, по словам автора, была лучшая из всех, что он написал, и он запретил её ставить кому-нибудь другому.

— Он мне так и не сказал, что жалеет, — сказал Гвоздик по телефону, и голос у него был старческий и сердитый. — Сказал бы — я бы ему отпустил. Двадцать лет ждал этого звонка. Умер, что ли?

— На прошлой неделе, — сказал Матвей.

В трубке молчали. Потом Гвоздик сказал:

— Приезжайте. Сделаем читку. Я привезу пьесу. Вы... вы кто ему, вообще?

— Аудитор, — сказал Матвей и сам услышал, как странно это звучит в телефоне. — По незакрытым обязательствам.

* * *

Читка прошла в маленьком зале филармонии — бесплатно, для двенадцати зрителей и одного пустого кресла в третьем ряду, которое Матвей попросил не занимать. Гвоздик читал пьесу о мостах, которые строят люди, разучившиеся строить мосты, и на девятой странице вошёл в такой раж, что декламация стала речью, а речь — почти богослужением, если бы Матвей знал, как называется то, когда человек говорит вслух то, что давно должен был сказать другому, а другой мёртв.

Двадцать одна строка погасла в полночь. Матвей видел, как это бывает со строками-людьми: не волной, как у ключа, а как гаснет дом на улице, где отключили свет за неуплату — по этажам, по окнам, сначала дальние. Он сидел в третьем ряду и слушал, как Гвоздик дочитывает финал, и чувствовал, как режиссёр, которого он никогда не видел живым,

становится в зале теплее — в физическом смысле, так, что ладонь, положенная на подлокотник, ощутила это раньше, чем разум.

После читки Гвоздик сказал:

— Скажите там... передайте ему, что мосты все. Он строил мосты, я — нет. Я боялся.

— Передам, — сказал Матвей. И впервые почувствовал, что это не враньё. Бумага в морге врёт, если захочет. Ведомость — нет. И у Матвея внутри впервые образовалась строчка, которую он мог бы вписать в свою тетрадь честно: «передал».

* * *

Сорок две строки он закрывал полтора месяца. Не все. Дневник 1974 года он нашёл у не знавшей о нём наследницы на антресолях и отдал в театральный музей — строка погасла. Письмо гримёрше Валентине (про которую выяснилось, что она жива и каждое первое мая приходит к зданию театра, потому что, как она сказала, «в этот день 1985 года он не подошёл ко мне за кулисами, а я ждала, что подойдёт») закрылось тем, что Матвей не сказал ей ничего и просто попросил поддержать случайно найденную старую афишу, где Валентина стояла на сцене рядом с Семёном Абрамовичем, — и ждала, пока старушка сама с собой договорится. Она договорилась.

Две строки не закрылись ни тогда, ни позже: «Не сказал городу спасибо за театр» — потому что город не слушает; и «Не вернулся за шинелью» — потому что шинели в гримёрном шкафу уже не было, и вся строка висела на пустом крючке, а пустые крючки в этом городе самые тяжёлые.

Но самое главное случилось не со строками Левитина. Самое главное случилось на середине списка, когда Матвей, переписывая строки в свою тетрадь, увидел над столом новую страницу — и понял, что страница эта не из Ведомости покойных. Она висела над ним самим.

Там была одна строка. Он не смог прочитать её в тот вечер — она была написана не янтарным, а каким-то свинцовым, будто чернилам не хватило смелости. Но он успел разобрать первое слово.

Первое слово было: «Отец».

Матвей закрыл тетрадь, выключил свет в регистратуре и впервые за пять лет ушёл со смены за час до конца. Не потому, что испугался. Потому что понял: у аудитора не может быть строки. А у него — есть.

Глава 5. Господин Яр

Инкассатор пришёл во вторник, в двадцать два ноль-ноль, — и Матвей понял, что это не посетитель, ещё до того, как увидел: у входа в морг не звонил домофон, а просто зажглись лампочки над дверью, все, включая аварийную.

Гость был среднего роста, в сером пальто с идеально прямым плечом, и держал портфель из такого тёмно-зелёного дерматина, что Матвей с профессиональной болью подумал: «Сорок лет такой дерматин не трескается. Это не наш поставщик». Лицо у гостя было спокойное и неуловимо неверное: не то слишком симметричное, не то слишком ровно усталое — лицо из банка, где всегда взвешивают.

— Здравствуйте, — сказал гость. — Я представляю ликвидационную комиссию. Господин Яр. У вас ко мне нет вопросов, я отвечу на них по ходу.

— Морг закрыт для посетителей до восьми утра, — сказал Матвей, потому что это была правда и потому что это не помогло бы даже против пожарной тревоги.

— Я не посетитель, — вежливо ответил Яр. — Я тоже работаю с вашей отчётностью. Просто у меня другая учётная политика.

Он прошёл в регистратуру так, как входят в свой кабинет: не спрашивая про стул, он не сел. Положил на подоконник портфель, открыл, и Матвей увидел внутри не папки — стопку страниц, одинаковых с теми, что он видел над покойниками, только чернила на них были не янтарные, а холодные, стальные, как гвозди.

— Разговор короткий, — сказал Яр. — В городе открылся новый аудитор. Я пришёл сделать ему оффер. У нас практика простая: вы работаете по сверке, по правилам, по доброй воле — трата времени, нервов, башмаков. Я работаю по договору. Долг мёртвого можно закрыть за секунду. Нужно только, чтобы живой отказался от своего ожидания. Отказ — это документ. Я его получаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.